

К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.В. Жукоцкая

Философы-изгнанники о трагедии и уроках Русской революции

Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой; создадут легенду, окружат ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду.

Н.А. Бердяев [2]

В статье рассматривается феномен «первой волны» русской эмиграции, анализируются различные точки зрения философов-изгнанников (Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина), а также П. Струве на истоки, сущность и последствия русской революции. В статье подчеркивается, что при всех внутренних разногласиях русских философов в изгнании объединяющая их идея — это понимание Русской революции как великой трагедии и катастрофы.

Ключевые слова: русская эмиграция; философия русского зарубежья; Русская революция.

Русская эмиграция — особый социальный слой в мировом цивилизационном пространстве, сложившийся в странах Европы, Азии, Америки, Австралии в первой четверти XX в. Об объективном исследовательском подходе к этой диаспоре россиян за рубежом в советское время говорить не приходилось. Отношение к этой социальной группе в нашей стране менялось вместе со сменой идеологии и мировоззренческих установок: от острой неприязни в советское время до почти «благоговейного обожания» в постсоветское время. Осуждение либо сочувствие русским эмигрантам, их судьбам не является нашей прямой философской задачей. Понятно, что кто-то волею судьбы и обстоятельств, кто-то по своей воле и убеждениям оказался в вихре революционных изменений в стране, а затем вынужденно покинул Родину. Отметим лишь, что с нашей точки зрения большинство этих русских людей заслуживают уважения. Родину они не «предавали», как принято было считать в советское

время, скорее новое Отечество после Октябрьской революции 1917 г. само отвернулось от них. Они же до конца жизни гордились Россией, любили ее и мечтали о возвращении на Родину. Я говорю о лучших представителях интеллектуальной, литературной и художественной эмиграции России. Но возвратиться при жизни на Родину большинству русских эмигрантов было не суждено. Останки лишь некоторых из них нашли упокоение в родной земле: философа И.А. Ильина, генерала А.И. Деникина, генерал-лейтенанта Генерального штаба В.О. Каппеля. Конечно, такое «возвращение» — единичные акты, инициированные гражданскими и конфессиональными организациями, государственными институтами современной России. Но все-таки они заставляют признать тот факт, что была совершена великая социальная несправедливость по отношению к далеко не худшей части своего народа, и большевистское пренебрежение к соотечественникам привело к трагическим последствиям. В 2008 г. правительство России перечислило муниципалитету города Сен-Женевьев-де-Буа во Франции 692 тыс. евро для продления концессии по уходу за захоронениями россиян, эмигрировавших из страны в годы Октябрьского (1917 г.) переворота и Гражданской войны (1918–1920 гг.). Многие из этих людей представляли элиту отечественной культуры, государственной власти, иерархии православной церкви конца XIX – первой четверти XX столетия. Всего на этом французском кладбище было захоронено более пятнадцати тысяч наших соотечественников. По некоторым сведениям, с 1918 по 1922 г., в так называемую «первую волну» русской эмиграции Россию покинули более 2,5 млн человек. А вообще, из 4,5 млн русских, вольно или невольно оказавшихся за рубежом в эти и последующие годы, лишь около 150 тыс. включились в так называемую антисоветскую деятельность [4]. Но клеймо, поставленное в то время на всех русских эмигрантах — «враги народа», еще долгие десятилетия оставалось для всех них едва ли не единственным обобщающим признаком после факта самой эмиграции.

После победы революции в России и установления советской власти многие интеллектуалы, которые не приняли ее идей, прошли через ВЧК, были допрошены и дали подписку с обязательством выехать из России (многие за свой счет) без права возвращения на Родину. В 1922 г. по указанию В. Ленина началась подготовка к высылке за границу представителей старой русской интеллигенции. Летом по городам России было арестовано до 200 человек — экономистов, математиков, философов, историков и др. Среди арестованных были звезды отечественной и мировой науки — философы Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Л. Карсавин и др.; ректор Московского университета, зоолог, профессор М.М. Новиков, математик В.В. Стратонов, социолог П.А. Сорокин, историки А. Кизеветтер, А. Боголепов. Решение о высылке было принято без суда [4]. Поезда с изгнанниками 23 сентября 1922 г. пошли в Ригу и в Берлин. А 29 сентября 1922 г. на зафрахтованном немецком пароходе «Обер-бург-гомистр Хакен» из Петрограда в Штеттин отправилась первая партия московских и казанских интеллигентов, около 30 профессоров университетов, среди них — Николай Бердяев, Сергей Трубецкой, Александр Кизеветтер и др.

Позднее — 19 ноября на пароходе «Пруссия» была отправлена вторая партия изгнанников — петроградских профессоров с членами их семей. Среди них были философы Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, первый директор Пушкинского Дома Н. Котляревский и др.

Как отмечает известный исследователь в области политической, социальной и военной истории России XX в. В.С. Христофоров, по «сведениям для составления сметы на высылку «антисоветской» интеллигенции можно оценить ее примерные размеры. Руководством партии и государства первоначально планировалось репрессировать 200 человек. Однако истинные масштабы этой акции во многом остаются до конца неизвестными. Тем более ограниченный материал имеется о судьбе конкретных лиц, попавших в печально знаменитые «списки на высылку» (Московский, Петроградский и Украинский)» [11: с. 150]. И далее исследователь отмечает, что «по данным А.С. Когана (на основе архивных материалов РГАСПИ), в списках на высылку значилось на 3 августа 1922 г. — 74 чел., на 23 августа — 174 чел., из них: 1) по Украине — 77 чел.; 2) по Москве — 67 чел.; 3) по Петрограду — 30. По подсчетам В.Л. Соскина, сделанным на базе архивных материалов Архива Президента Российской Федерации, в списках на высылку значилось 197 человек» [11: с. 162]. Но из документальных материалов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, следует, что «кандидатами» на высылку числились 228 человек. В настоящее время удалось выявить сведения о судьбе 224 человек, которые, в той или иной мере пострадали в результате репрессий 1922–1923 гг. [8].

В 2003 г., 15 ноября, в Санкт-Петербурге, на набережной Лейтенанта Шмидта, Петербургским философским обществом был установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки». Одиннадцать профессиональных философов были высланы из России на пароходах «Обер-бургомистр Хакен» и «Пруссия», всего же Россию вынуждены были покинуть двадцать один профессиональный философ. «Философский пароход» — это яркая метафора, появившаяся в медийном пространстве в 90-х гг. XX в. Но само явление принудительной высылки российской интеллектуальной элиты по идеологическим основаниям, занимает особое место в истории России. С этого события начался драматический раскол единой культуры России на русское зарубежье и Россию советскую [8].

Таким образом, в эмиграции оказалось примерно 500 крупных ученых, постепенно возглавивших кафедры и целые научные направления (С.Н. Виноградский, В.К. Агафонов, К.Н. Давыдов, П.А. Сорокин, П.И. Новгородцев и др.) В течение 1921–1952 гг. за границей выпускалось более 170 периодических изданий на русском языке, в основном по истории, праву, философии и культуре. Размышляя о феномене русской философской эмиграции, В.В. Костиков отмечает, что «работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа — они сделались величинами мирового масштаба, а русская

философская мысль благодаря их трудам стала частью философской культуры человечества» [7: с. 175.] Так постепенно возникло особое общественно-политическое течение, получившее названия «зарубежная общественно-политическая мысль», «философия русской эмиграции» или «философия русского зарубежья», представителями которого являлись: Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский и его сын В.Н. Лосский, П.А. Сорокин, С.Л. Франк, Г.В. Флоровский, Л.И. Шестов, Ф.А. Степун, А.А. Кизеветтер, В.В. Зеньковский и др. За рубежом издавались их произведения, сами они вели научную и просветительскую деятельность, уделяя много внимания анализу сущности, причин и уроков русской революции, которая была категорически ими отвергнута и рассматривалась как великая трагедия России.

Уже в самом начале 1920-х гг. в эмигрантской среде сформировались две основные позиции по отношению к большевистскому перевороту и развернувшимся в России политическим и социально-экономическим преобразованиям, соответственно и к способам противодействия новой власти. Сторонники первой (ярчайшие представители — П. Струве, И. Ильин) отстаивали идею вооруженного свержения большевистской власти и возвращения страны к состоянию, сложившемуся в результате февральско-мартовской революции или даже к монархии. Другие (Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский) надеялись на внутреннее перерождение большевизма, считали, что объективный ход развития социально-экономических процессов сам неизбежно обнаружит несостоятельность утопических проектов новой власти и приведет к ее саморазрушению. Задача в этом случае заключается лишь в том, чтобы поддерживать здоровые начала жизни, особенно после объявления в 1921 г. новой экономической политики [6: с. 164–165]. Но моральные оценки революции как переворота, разрушительного и губительного для России, были для всех философов зарубежья общими. Недаром С. Франк в самом начале статьи «Из размышлений о русской революции» характеризует ее такими эпитетами, как «ужасная катастрофа», «небывалая, доселе невиданная по своей опустошительности», которую и «беспристрастный объективный историк должен будет признать одной из величайших исторических катастроф, пережитых человечеством» [9].

Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков, Н. Лосский стремились отвлечься от исторической практики, политических лозунгов и рассматривать революцию и большевизм в «космическом масштабе». Они видели в революции проявление метафизического процесса. П. Струве и И. Ильин, напротив, стремились опереться на фактический исторический анализ событий и выявить социально-нравственные параметры, в рамках которых может быть осуществлен активный социальный протест революции. Свою конкретизацию этот спор получил в постановке вопроса о допустимости «сопротивления злу силой», об условиях и границах применения силы для противодействия злу. Иван Ильин писал, что даже религиозный смысл русской революции он видит «не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России» [5: с. 469].

Весьма критически относился ко всяким попыткам идеализации революционных событий 1917 г. Петр Струве. Еще в 1907 г. он высказал свое негативное отношение к восприятию славянофильской традицией революции как явления метафизического мира. Революция для него — «понижение» культуры, духовная деградация. Теме «русской катастрофы» были посвящены многочисленные статьи и заметки, опубликованные в начале 1920-х гг. в журнале «Русская мысль», который под его редакцией выходил в 1921 в Софии, затем в Праге (1922–1923), в Берлине (1923–1926) и, наконец, в 1927 в Париже. Струве полагал, что революцию можно принять с абсолютно-религиозной точки зрения только в одном смысле: признав ее за Божью кару. Но о политическом «приятии» революции не может быть и речи. Русская революция 1917 г. в интерпретации Струве — процесс длительный, не ограниченный Февральским и Октябрьским переворотами. В моральном, культурном и политическом отношениях — это единый процесс, который подготавливался в России десятилетиями. «Выздоровление» России, по мнению П. Струве и И. Ильина, возможно только при условии «коренного» преодоления революции. Всякая идеализация революции наносит процессу «преодоления» непоправимый вред. Самый главный вопрос, на который должна была ответить общественная мысль зарубежья, состоял в следующем: следует ли духовно отвергнуть этот единый революционный процесс или принять его?

П. Струве склонен был согласиться с выдвинутым евразийцами пониманием революции как глубокого духовного и культурного кризиса, но вывода евразийцев (как и Бердяева) о религиозной природе коммунизма он категорически не принимал. В евразийстве его привлекало патриотическое начало, но позднее, когда евразийцы конкретизировали свои общие идеи применительно к различным аспектам русской жизни, Струве разочаровался в их идеях. Свои размышления о революции П. Струве представил в статье и в брошюре с таким же названием «Размышления о русской революции». Статья была опубликована в книгах I–II «Русской мысли» за 1921 г., а брошюра выпущена в 1921 г. в Софии Русско-Болгарским книгоиздательством. Заметим, что название статьи для того времени и обстоятельств даже тривиальное: с подобным же названием были публикации и у Н. Бердяева, С. Франка. Революция 1917 г. для Струве — явление антипатриотическое, «противонациональное» и «противогосударственное». Это следствие сочетания отвлеченных радикальных идей, на которых воспитывалась интеллигенция, и разрушительных, анархистских и своекорыстных инстинктов народных масс [6: с. 164–165, 168]. Струве видел два пути преодоления революции: 1) внешний — воздействие извне военными средствами; 2) внутренний — разложение большевизма. Русскую революцию Струве характеризовал как абсолютно деструктивное событие. Он не видел в революции никакого творческого начала и не верил в возможность эволюции советской власти, поэтому рассчитывал на «преодоление» революции и не исключал возможности вооруженного свержения советской власти. П. Струве был противником весьма распространенной в русской религиозной философии (Бердяев, Франк, евразийцы)

провиденциалистской трактовки революции. В их интерпретации революция — бессубъектный процесс, а это значит, что исключается всякая личная ответственность за ход и исход событий. Но, с точки зрения П. Струве, революция требует оценки и ответственности участвующих в ней лиц. Струве был сторонником взглядов, согласно которым революция никогда не «происходит», она «делается» [6: с. 164–165, 171]. Поэтому, размышляя о русской революции и ее социальных последствиях, Струве призывал к восстановлению чувства ответственности личности за свои действия. Сторонником позиции П. Струве был другой философ русской эмиграции — Иван Ильин.

И. Ильин принадлежал к тем слоям российской философской эмиграции, которые тоже рассчитывали на преодоление революции силой оружия. Теоретическое оправдание своей позиции о физическом сопротивлении злу он изложил в книге «О сопротивлении злу силою», вышедшей на русском языке в Берлине в 1925 г. И. Ильин не разделял взглядов С. Булгакова, Н. Бердяева, критически относился к С. Франку, Л. Карсавину, Д. Мережковскому. Все они, в свою очередь, не разделяли его позиции. Из видных философов русского зарубежья к взглядам И. Ильина с пониманием относились лишь Н.О. Лосский, Н.С. Арсеньев и П.Б. Струве.

Ответственность за катастрофу русской революции, за «разлад русского духа» И. Ильин, как когда-то авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909), возлагал на отечественную интеллигенцию. В содержание понятия «интеллигенция» философ включал всех представители так называемого «образованного общества». Революция — духовная болезнь. Она является следствием неверной ориентации ума и воли, непонимания интеллигенцией своего предназначения в жизни России. «Русская интеллигенция воображала, будто в жизни есть “отвратительная действительность” и “святой идеал”... поэтому она страдала маниловской мечтательностью, политическим максимализмом и социальным утопизмом... Она считала, что государство не столько воспитывает человека, сколько развращает его, и поэтому... всегда была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание» [5: с. 462]. Не найдя своего органического места в жизни русского общества, интеллигенция, утверждал И. Ильин, не только не способствовала укреплению здоровых духовных основ жизни (в чем и состояла ее основная задача), но, напротив, расшатывала и размягчала их. В итоге народ пошел не за нею, а за теми, кого И. Ильин называл «международной полуинтеллигенцией», беспочвенной, лишенной государственного начала и воли, не имевшей корней в русском народе и великой национальной идеи. Все это и привело, по И. Ильину, к полному исчезновению «инстинкта национального самосохранения». Кроме того, «русская интеллигенция не умела верно принимать и уважать частную собственность. Многие собственники умели быть щедрыми; но далеко не многие понимали, что собственность обязывает к творческому труду и что богатеющий хозяин служит не только себе, но и всему народу и своему государству. В связи с этим русская интеллигенция готова была

преклоняться перед низшим видом труда — физическим (перед «мозолистыми руками» и «пролитым потом») и решительно недооценивала глубину, утонченность и ответственность духовного творчества» [5: с. 462–463].

Ильин, как и Бердяев, считал, что революция была в какой-то мере детерминирована и географическими, и геополитическими факторами: неуравновешенный континентальный климат, огромная территория с открытой незащищенной равниной, континентальная замедленность жизни, обилие малых и разнородных племен, особенности языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, нескончаемые оборонительные войны и многое другое. Важным фактором революции И. Ильин считал отсутствие в стране сколько-нибудь многочисленного и организованного «среднего сословия» и крестьян-собственников, на которых держатся западные демократии. Народ, не привыкший к политической свободе, может не понять и не оценить ее, употребить на далекие от провозглашенных революцией идеалов цели и, в конце концов, «променять ее на личное и классовое благополучие» [6: с. 164–165, 173].

С точки зрения Н. Бердяева и С. Франка, оппонентов П. Струве и И. Ильина, революция все же имела исторический смысл. Итоги поиска Франком смысла революции в начале 20-х гг. получили наиболее полное отражение в статьях «Из размышлений о русской революции» (1923), «Религиозно-исторический смысл революции» (1924), а также в книге «Крушение кумиров» (1924). Философ видит две стороны исторического процесса в России, которые создали силу, разрушившую в конечном итоге старую русскую государственность и культуру. Это, во-первых, процесс утверждения автономии личности и связанный с ним процесс секуляризации всей культуры. Но на Западе он начался с эпохи Возрождения и Реформации, а в России — с реформ Петра I. А вылилось в России это в конечном счете в «большевистский коммунизм». С. Франк пишет: «Роковая судьба русского “освободительного движения” состояла в том, что исторически назревшая и, по существу, правомерная потребность русского общества и народа в духовной самостоятельности и автономности слилась в ней с бунтарской стихией нигилизма. Русский народ стоит перед неотвратимой и великой задачей создать для себя формы общежития, основанные на духовной свободе и самодеятельности. В муках вынашивает он этот созревающий в нем плод; но первый опыт рождения кончился бесплодными, губительными потугами и судорогами большевистской революции. Поняв свободу как бесчинство разнузданности, он обрел лишь новый и жесточайший деспотизм, неслыханный по глубине и универсальности своего действия» [9: с. 131]. Во-вторых, это — социально-политический процесс демократизации России, пробуждение народных низов, прежде всего крестьянства, тяга масс к самоопределению, народовластью. Социально-экономические противоречия между классами российского общества, культурно-бытовая отчужденность между «верхами» и «низами» при медлительности власти в отношении реформирования общества сделали, полагал Франк, социальный переворот неизбежным. Но С. Франк говорит, что, по сути, в этой революции нет ничего

принципиально нового. «Русская революция произведена мужиком, который никогда, даже в апогее своего безумия, в 17–18 годах, не был социалистом... Русская революция основана на демократическом движении. При этом, во избежание пагубных недоразумений, нужна тотчас же существенная оговорка. Под “демократией” в этой связи нельзя разуместь какой-либо формы правления или государственного устройства... Ни в чем не обнаружилось столь явно равнодушие мужика к форме правления и к основным началам государственного устройства, как в легкости, с которой было разогнано Учредительное собрание и попораны все демократические принципы. Русская революция есть демократическое движение в совершенно ином смысле: это есть движение народных масс, руководимое смутным, политически не оформленным, по существу скорее психологически-бытовым идеалом самочинности и самостоятельности... По объективному своему содержанию это есть процесс проникновения низших слоев во все области государственно-общественной жизни и культуры и переход их из состояния пассивного объекта воздействия в состояние активного субъекта строительства жизни. В этом отношении также важно отметить, для правильной оценки революции — в противоположность как ее защитникам, так и ее противникам, — что русская революция сама по себе не создала ничего принципиально нового. Проникновение “мужика” — сначала в лице его авангарда, а потом во все более широких массах — во все области русской общественной, государственной, культурной жизни, бытовая “демократизация” России в этом смысле есть, быть может, самый значительный и совершенно роковой, стихийный процесс, который совершался неудержимо и со все растущей интенсивностью, по крайней мере с момента освобождения крестьян... Повторяем, революция не внесла в этот процесс ничего принципиально нового; в ней лишь — и это, конечно, было величайшим несчастьем — процесс демократизации из состояния постепенного просачивания перешел в состояние бурного наводнения. Русская революция по своему внутреннему социально-политическому существу есть болезненный кризис острой демократизации России — не больше, но и не меньше» [9].

Мысль о том, что революция не злая прихоть большевиков, а судьба, высказал и Н. Бердяев. В послесловии 1923 г. к книге «Философия неравенства», написанной в 1918 г., он отмечал: «Духовно пережил революцию лишь тот, кто увидел в ней свою несчастную судьбу и несчастную судьбу своего народа, кто ощутил в ней расплату за грехи прошлого, кто прошел через покаяние, через обличение не только революционной, но и дореволюционной неправды, кто сознал необходимость просветления и преобразования жизни» [3: с. 275–276.]. Н. Бердяев считал бессмысленными всякие моралистические и рационалистические суждения о революции. Революция — свидетельство господства иррациональных сил в истории, это — судьба и рок, «внутренний апокалипсис истории». «Несчастливые русские люди, жестоко пострадавшие духовно и материально от революции, забыли как будто бы, что такое революция, что такое всякая революция. Читать книги по истории революции

приятнее, чем переживать революции. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодейства большевикам есть нередко результат идеализации революции, непреодоленной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революционной эпохи. Слишком многие люди эпохи революции хотят по-своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революцию вообще направить нельзя, как нельзя ее и остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи большевики не помешали. Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта» [2: с. 81]. Далее Н. Бердяев отмечает, что всякие «идеально-нормативные представления о революции совершенно должны быть оставлены. Революция никогда не бывает такой, какой должна быть, ибо нет должной революции, и не может быть революция долженствованием. Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжелое заболевание или смерть близкого существа» [2: с. 81]. Время от времени в мире накапливается большое количество зла и ядов, происходит процесс разложения, что приводит к неминуемому взрыву. В эти периоды, как правило, в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, неизбежна революция [1: с. 107]. Революция, считал Бердяев, имеет онтологический смысл, но смысл этот пессимистический, а не оптимистический. Это событие величественное и трагическое. Трагедия революции состоит в том, что добро в ней осуществляется силами зла, через насилие, кровопролитие. Поэтому христианству и трудно принять революцию оптимистически. Революция есть малый апокалипсис истории, суд внутри истории. Она есть прохождение через смерть. Смерть для всей истории является необходимым моментом для возрождения новой жизни. В этом смысле революция и есть неотвратимая судьба любой страны, в том числе и России.

Как видим, позиция Бердяева значительно отличалась от взглядов П. Струве и И. Ильина. Для Бердяева, Франка и других русских религиозных философов, стоявших на позициях исторической детерминированности революции, важна была уникальность и оригинальность русской революции. Н. Бердяев подчеркивал, что отличительная особенность русской революции — ее мессианство. Мессианское призвание русского народа через «русскую идею» получило воплощение в революции в виде «коммунистической идеи», «коммунистического мессианства». То есть русский коммунизм, по мнению Бердяева, есть не что иное как искаженная революционной интеллигенцией старая русская мессианская идея. Отталкиваясь от особенностей русской истории, национальных традиций и психологии, Н. Бердяев, как и С. Франк, пришел

к выводу о том, что в России могло иметь успех лишь движение под символической социализма, а не либерализма западного образца. Причем база такого социализма — тоталитарное мировоззрение. Парадокс состоял в том, что в нашей стране не коммунистические идеи, а именно либеральные, идеи права, идеи социального реформизма оказались утопическими, а большевизм — наименее утопичным и наиболее реалистичным, соответствующим всей ситуации и наиболее верным некоторым исконным традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. «Коммунизм, — писал Бердяев, — оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [1: с. 93]. Многие представители русской философской эмиграции были возмущены позицией Бердяева, особенно его суждениями о том, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения, хаоса и анархии, что в тот момент только большевики были единственной силой, способной овладеть положением, докончить разложение старого порядка и создать новый, ввести взбунтовавшиеся массы в какое-либо организованное русло. Только они владели лозунгами и символами, способными захватить воображение масс и заставить их подчиниться некоему дисциплинарному началу [1: с. 114].

По Бердяеву, получалось, что большевики чуть ли не «спасители» России от окончательного распада. Они смогли лучше других учесть ситуацию, особенности русской души и истории. Об этом он писал в книге «Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы», изданной в Берлине в 1924 г. Н. Бердяев и С. Франк приходят к близким по духу заключениям о том, что русский народ не может создать «срединного гуманистического царства» и не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Из-за глубинных религиозно-психологических оснований русского духа в общественной жизни России якобы невозможны такие «промежуточные» тенденции, как либерализм, гуманизм, умеренный социал-демократизм, на которых основывается жизнь Запада [9].

Понимая революцию как внутреннюю катастрофу в душе народа, в русской истории и культуре, Н. Бердяев приходит к выводу, что выход из революционного состояния и преодоление большевизма должны быть связаны не с применением физической силы (как это предполагали П. Струве и И. Ильин), а с духовным и культурным оздоровлением народа. Революция сама изживает себя силами, выработанными в собственных недрах. Это — новые социальные и политические силы, выдвинувшиеся на первый план в годы революции: русское крестьянство, новая буржуазия, новая интеллигенция. Все они прошли через очищение трагическим опытом революции и способны выработать новые, позитивные идеи. Только эти силы и могут положить конец революционному периоду истории русского общества. Эта идея была подхвачена позднее евразийцами и другими так называемыми пореволюционными течениями в русской эмиграции.

Н. Бердяев, С. Франк, Г. Федотов и их единомышленники призывали русских эмигрантов расстаться с мыслью о реставрации старых порядков,

прекрасно понимали, что «русский вопрос» неразрешим при помощи только негативных мер. Новая жизнь может быть создана только через положительное. «Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков» [2: с. 81].

Конечно, Бердяев и многие другие философы русского зарубежья отрицательно относились к советской власти. Но в сложившихся обстоятельствах, полагали они, это — единственная власть, которая способна выполнить функции по защите России от грозящих ей опасностей. Другой организационной силы, конституирующей государство, которое имеет объективную природу, нет. В этом смысле Бердяев и его сторонники считали роль советской власти позитивной, чем вызывали гнев и неприятие другой части эмиграции (П. Струве, И. Ильин).

Таким образом, в осмыслении русской эмигрантской элитой феномена русской революции, ее сущности, причин, уроков было множество разногласий. Оценки революции колебались от ее религиозного и метафизического оправдания до призывов с оружием в руках вести антиреволюционную и антисоветскую деятельность. Единственно объединяющим началом является понимание революции как безусловно трагического, катастрофического события русской истории. При этом в русском интеллектуальном зарубежье никогда не утихали надежды и чаяния на «оздоровление» России, на возрождение творческих сил русского народа, на великое будущее их великой Родины.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-press, 1955. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. М.: Феникс: ХДС-пресс, 1991 // Библиотека Якова Кротова. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.htm (дата обращения: 05.03.2017).
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 228 с.
4. *Жуковская Д.* Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 г. // Историк — общественно-политический журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_sudba_emigratsii/ (дата обращения: 01.03.2017).
5. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001. 512 с.
6. *Кошарный В.П.* Проблема революции в социологии и философии русского послеоктябрьского зарубежья // Общественные науки. Социология. 2015. № 1 (33). С. 163–185.
7. *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. 462 с.
8. *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2003/7/113-137.htm> (дата обращения: 08.03.2017).
9. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый Мир. 1990. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://a-bugaev.chat.ru/frank/revolution.html>
10. *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда. 1990. 607 с.
11. *Христофоров В.С.* «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126–141.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMCZA-press, 1955. M.: Nauka, 1990. 224 s.
2. *Berdyayev N.A.* Novoe Srednevekov'e: Razmy'shleniya o sud'be Rossii i Evropy'. M.: Feniks: HDS-press, 1991 // Biblioteka Yakova Krotova. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.htm (data obrashheniya: 05.03.2017).
3. *Berdyayev N.A.* Filosofiya neravenstva. M.: IMA-press, 1990. 228 s.
4. *Zhukovskaya D.* Prichiny' i sud'by' e'migracii posle revolyucii 1917 g. // Istorik — obshhestvenno-politicheskij zhurnal. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_sudba_emigratsii/ (data obrashheniya: 01.03.2017).
5. *Il'in I.A.* O vospitanii nacional'noj e'lity'. M.: Zhizn' i my'sl', 2001. 512 s.
6. *Kosharny'j V.P.* Problema revolyucii v sociologii i filosofii russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya // Obshhestvenny'e nauki. Sociologiya. 2015. № 1 (33). S. 163–185.
7. *Kostikov V.V.* Ne budem proklinat' izgnan'e. Puti i sud'by' russkoj e'migracii. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1990. 462 s.
8. *Makarov V.G., Xristoforov B.S.* Passazhiry' «filosofskogo paroxoda» (sud'by' intelligencii, repressirovannoj letom – osen'yu 1922 g.) // Voprosy' filosofii. 2003. № 7. S. 113–137. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2003/7/113-137.htm> (data obrashheniya: 08.03.2017).
9. *Frank S.L.* Iz razmy'shlenij o russkoj revolyucii // Novy'j Mir. 1990. № 4. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://a-bugaev.chat.ru/frank/revolution.html>
10. *Frank S.L.* Krushenie kumirov // Frank S.L. Sochineniya. M.: Pravda. 1990. 607 s.
11. *Xristoforov B.S.* «Filosofskij paroxod». Vy'sylka ucheny'x i deyatel'ej kul'tury' iz Rossii v 1922 g. // Novaya i novejschaya istoriya. 2002. № 5. S. 126–141.

*A.V. Zhukotskaya***The Philosophers-Exiles about the Tragedy and Lessons of the Russian Revolution**

The article discusses the phenomenon of “the first wave” of Russian emigration. The author analyses different viewpoints of the philosophers-exiles (N.A. Berdyayev, S.L. Frank, I.A. Ilyin), as well as P.B. Struve on the origins, essence and the consequences of the Russian October revolution. The article highlights that in all internal disagreements of Russian philosophers in exile the idea that unites all of them is the understanding of the Russian October revolution as a great tragedy and catastrophe.

Keywords: Russian emigration; the philosophy of the Russian diaspora; the Russian October revolution.